
А БЫЛ ЛИ МУЖИК? (К ВОПРОСУ ОБ АУТЕНТИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В. И. ЛЕНИНА О Л. Н. ТОЛСТОМ В ПЕРЕДАЧЕ А. М. ГОРЬКОГО)

А. В. Макушин

Л. Н. Толстой и А. М. Горький — культовые фигуры в истории русской литературы. Так уж сложилось. Хотя можно спорить, что именно лежит у истоков этого культа — весьма сомнительные эстетические достоинства их трудов или несомненная политическая ангажированность обоих. В свое время по степени официального признания с ними мог соперничать разве что сам А. С. Пушкин (наиболее наглядно эта табель о рангах была выражена в курсе литературы для средней школы).

Тем больший интерес представляет анализ широко известной характеристики, данной старшему классику в труде младшего: “Какая глыба, а? Какой матёрый человечик! Вот это, батенька, художник. И, — знаете, что еще изумительно в нем? Его мужицкий голос, мужицкая мысль, настоящий мужик в нем. До этого графа — подлинного мужика в литературе не было. Не было!”¹ Правда, эту характеристику Толстому Горький дает не непосредственно, а устами еще одного классика, хотя и прославившегося в далеких от беллетристики сферах, но с точки зрения Горького вполне авторитетного. И у нас нет оснований подозревать автора очерка “В. И. Ленин” в том, что он выдумал цитируемый им диалог. Однако возникает вопрос, насколько точно удалось пролетарскому писателю передать форму, и даже содержание, высказывания пролетарского вождя.

Теоретическая правомерность постановки такого вопроса очевидна. М. А. Варшавчик, классифицируя ленинские источники “по способу воспроизведения, то есть по той форме, в которую они облекались и в которой дошли до нас”, выделяет четыре группы, располагая их в порядке убывания

аутентичности: 1) автографы и фонозаписи; 2) стенограммы; 3) синхронные протокольные записи устных ленинских выступлений и газетные отчеты о них; 4) передача ленинских высказываний в произведениях других лиц². Относительно последней группы исследователь делает оговорку, что “формально они не относятся к собственно ленинским источникам”, но полагает, что “для научного использования принципиально никакой разницы в том, кто слушал Ленина (газетчик или собеседник) и где воспроизведены ленинские слова (в газете, книге, статье или письме), нет”³. С последним утверждением нельзя не согласиться. Таким образом, М. А. Варшавчик, зачислив, с одной стороны, в соответствии с практикой составителей ленинского Полного собрания сочинений газетные отчеты в одну (третью) группу с протоколами, с другой стороны, сближает их с источниками четвертой группы, тем самым как бы повышая на одну ступеньку аутентичность последних. Показательно, однако, что исследователь не приравнивает высказывания Ленина в передаче других лиц к протокольным записям, являющимся официальными документами. Тем самым обнаруживается, что третья группа в приведенной классификации неоднородна по своему составу и нуждается в дальнейшем дифференцировании. Недаром М. А. Варшавчик отмечает, что газетный отчет газетному отчету разный: “Аутентичность их содержания содержанию ленинских выступлений может быть установлена лишь путем конкретного анализа в каждом отдельном случае”. То есть на самом деле сближение источников четвертой группы с газетными отчетами означает скорее ущерб в аутентичности для последних, нежели выигрыш для первых.

Мы столь подробно останавливаемся на выводах М. А. Варшавчика не только потому, что он специально рассматривает вопрос о степени аутентичности различных ленинских источников, но и потому, что в качестве классического примера ис-

¹ Первоначальный вариант: *Горький А.М.* Владимир Ленин // *Русский современник*. 1924. № 1. С. 231. В каноническом виде, после переработки очерка в 1930 г., цитата заканчивается несколько иначе: “Вот это, батенька, художник... И, — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было” (*Горький А.М.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 17. С. 39). В последнем случае подчеркиваемый нами аспект высказывания даже усиливается за счет того, что нет упоминаний о “мужицком голосе” и “мужицкой мысли” и остается “мужик” в чистом виде.

© Макушин А. В., 2006

² *Варшавчик М.А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1989. С. 139.

³ Там же. С. 141.

точника четвертой группы он приводит интересующую нас ленинскую фразу о Толстом, не подвергая ее аутентичность ни малейшему сомнению.

Действительно, Горький, при всех его разногласиях с Лениным, по-видимому, имел достаточное уважение к памяти вождя и не мог позволить себе сразу же после его смерти делать произвольные заявления от имени покойного. Так, почти четыре года спустя после смерти Ленина и публикации очерка Горький на просьбу литературоведа С. М. Брейтбурга дополнить ту часть своих воспоминаний, где речь идет об оценке Лениным Толстого, ответил из Италии: «К воспоминаниям о В[ладимире] Ильиче не могу сейчас прибавить ничего, не имея под рукою архива моего»⁴. Это свидетельствует о сознании им высокой ответственности за воспроизведение в печати каждого слышанного слова вождя.

И все-таки у нас существуют определенные сомнения на предмет того, не смешал ли Горький задним числом собственные представления о Толстом с ленинскими, не вложил ли он невольно в уста вождя частицу собственной мысли. Поводом к этим сомнениям стали высказывания Горького о Толстом, дошедшие до нас, как это ни парадоксально, опять-таки в передаче третьего лица — Н. В. Валентинова (кстати, одного из лучших биографов Ленина). Для обоснования нашей точки зрения необходимо привести длинную цитату из Н. В. Валентинова:

«Как-то вечером, на даче у Финляндской графини, расхаживая по саду, Горький мне говорил:

“В чем гибель Толстого? Да в том, что он стал писать жалкие богословские наставления, проповедовать непротивление злу насилеи и преданность воле Божьей, вечно говорить о смерти и смирять себя вегетарианством. А знаете ли, кем был в действительности Толстой? Языческим богом Паном. Подпоясав чресла шкурой, он должен бы с дубиной эдак пуда в четыре жить в дремучих лесах, бороться с медведями, дубиной дробить череп волку. Никто лучше его не мог описать, как пахнет трава, деревья, роса, лесные ягоды. А почему? Да потому, что он — Бог-Пан. Кому лучше знать всякие лесные запахи? Вспомните его нос: ноздри огромны и открыты, все нашему ощущению недоступные запахи в себя вобрали. Ясно вижу, как Толстой — огромный, голый, заросший волосами Бог-Пан, подбирается к реке, в которой купаются девушки, и с того берега гогочет, хохочет, их за-

зывает: Эй, девушки, плывите ко мне, сколько вас ни есть, двадцать, тридцать, всех удовлетворю, на всех у меня силушки хватит. Таков в действительности был Лев Толстой, а он, ломая себя, идя против языческой своей природы, стал толковать о грехе похоти, о воздержании. Норвежец Гамсун написал роман “Бог-Пан”. А если бы, свободно отдаваясь своей натуре, Толстой взялся за такую вещь, получилась бы вещь потрясающая: уверяю вас, языческие боги воскресли бы и Дионис снова заплясал в хороводе с вакханками. Портрет Толстого, того, который написал “Крейцерову сонату” и “Царство Божие на земле” — создан и по всему свету распространен. А мне очень часто хочется разорвать этот портрет и вместо него дать другой, настоящий. Может быть, когда-нибудь я сделаю. Нужно только осмелеть. Слушайте, что я вам скажу. Был я как-то у Толстого — жил он тогда в Крыму. Когда я вошел к нему, от него уходил Бальмонт — поспешный, красный, очевидно, после далеко не приятного разговора с Толстым. Толстой, подведя меня к окну и указывая на шагающую фигуру Бальмонта, сказал с презрительной усмешкой: “Этот человечек в стихах все о любви, как воробей, пищит, а на деле он не в состоянии справиться даже с одной здоровенной девкой, которая соблазнилась бы лечь с ним в постель”. Заметьте, Толстой не сказал “справиться с девкой”, а без малейшего стеснения употребил другой и самый грубый глагол. Я тогда покраснел и оторопел: вот так яснополянский проповедник! Я в то время еще не понимал, что замечание по адресу Бальмонта — лишь маленькая вспышка этой титанической языческой природы, насильно связавшей себя евангельскими рецептами о смерти и убийстве плоти. Натура эта часто прорывалась в виде признаний в дневнике, но эти признания не могут дойти до нас. Над его дневниками, к несчастью, бдели и бдят людишки в виде Черткова, Гусева, Душана Маковецкого и прочих. Эти “толстовцы” корректируют Толстого. Когда я думаю об этом — негодование охватывает”»⁵.

Те же самые мысли, но в значительно более мягкой форме содержатся и в очерке Горького “Лев Толстой”, по поводу которого Ленин заметил (опять-таки, это известно из вторых рук), что, “пожалуй, так честно и смело о Толстом никто и не писал”⁶. В свете приведенной цитаты ленинско-горьковская оценка Толстого как “подлинного

⁴ В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма, воспоминания, документы. М., 1969. С. 345.

⁵ Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 178—179.

⁶ Цит. по: Ленин и Толстой. М., 1928. С. 104.

мужика”, наряду с традиционно усматриваемым в ней социальным аспектом (мужик = крестьянин) или даже взамен него, приобретает аспект гендерный. Тем самым возрастает личная ответственность Горького за эту оценку, потому что Ленин, говоря о Толстом, уж точно не допустил бы такой двусмысленности, так как в “половом вопросе” пролетарский вождь был, выражаясь марксистским языком, совершеннейшим филистером.

Быть может, подобная интерпретация на первый взгляд выглядит надуманной, но, помимо приведенного ее обоснования, она присутствует также и в массовом сознании, в фольклоре. Один из вариантов известной песни о Толстом, в частности, гласит:

Георг Валентинович Плеханов
Считал, что писатель Толстой
Писатель был очень неглупый,
Философ же очень плохой.
А Ленин наглядно считает,
Что Лев Алексеич (sic) велик
Не токмо как русский писатель,
Но также как русский мужик.
Из этой сложнейшей проблемы

Понять вы, ребята, должны:
Суждения Ленина верны,
Плеханова же неверны.
Однажды любимая мама
На барский пошла сеновал.
Случилась ужасная драма —
Граф маму изнасиловал и т.д.⁷

Тут уже двусмысленность расшифрована и приписана напрямую Ленину, без посредничества Горького. Таким образом, ответ на знаменитый горьковский вопрос, вынесенный в перефразированном виде в заголовок нашей заметки и обращенный в данном случае к самому его автору, выглядит далеко не однозначным.

В заключение отметим, что все вышеизложенное лишний раз доказывает необходимость тщательного источниковедческого анализа высказываний известных исторических деятелей, дошедших до нас в передаче порой не менее известных третьих лиц.

⁷ Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6: Песенный фольклор археологических экспедиций. СПб., 2000 (цит. по электронной публикации: <http://www.ruthenia.ru/folklore/basharin7.htm>)